

Глядя на Су Лэна, внезапно ворвавшегося в его дворик, Хуа Юйтан в панике принялся поправлять только что развязавшийся пояс, но от волнения руки лишь беспорядочно метались, не в силах справиться с узлом. Из-под ворота выглянули изящные ключицы и полоска нежной, белой кожи. От досады у него даже покраснели веки, а влажные, широко распахнутые глаза вызвали непреодолимое желание подойти ближе, чтобы осыпать их поцелуями и ласками.

Су Лэн, наблюдая за растерянностью Хуа Юйтана, с улыбкой сощурил свои добрые глаза. Сложив веер, он не спеша подошел к юноше, протянул длинные, похожие на белые нефритовые изваяния пальцы и, склонив голову, с мягкой усмешкой принялся старательно поправлять его ворот, разглаживая каждую складку. Затем, глядя на пунцового Хуа Юйтана, он с лукавым прищуром заговорил:

— Я друг Хуа Цзинжана по академии, мы довольно близки. В последнее время он ведет себя до крайности странно. Не знаю, что стряслось, но он целыми днями с каким-то фанатичным блеском в глазах читает одну и ту же исписанную тетрадь, забывая о еде и сне, и при этом постоянно цокает языком от восхищения. Это просто немыслимо. — Су Лэн нахмурил свои изящные брови, помолчал, а затем вновь беззаботно улыбнулся. — Мне стало до того любопытно, что я не удержался и украл её, чтобы прочесть.

Хуа Юйтан ошарашенно смотрел на этого господина, который с невозмутимым видом произносил столь бесстыдные вещи, и был просто поражен его наглостью.

Су Лэн продолжил:

— На обложке я увидел твоё имя. А учитывая, что твоя слава как красавца гремит повсюду, я не смог побороть своё любопытство. Поэтому, пользуясь чудесной лунной ночью, я решил прийти сюда, чтобы украсть аромат и похитить нефрит, а заодно засвидетельствовать почтение первому красавцу Поднебесной — третьему молодому господину Хуа. — Мужчина улыбнулся так, что его глаза превратились в полумесяцы, а в зрачках на мгновение мелькнул блеск, который никто не успел бы заметить. — А возможно, и первому таланту Поднебесной.

Хуа Юйтан растерянno захлопал своими красиво очерченными ресницами, словно не сразу осознал смысл сказанного.

Спустя несколько секунд оцепенения он внезапно вспыхнул. От самых корней волос до тонкой белой шеи разлился яркий персиковый румянец, отчего он стал казаться еще прекраснее — точно нефритовая статуэтка или цветущий персик.

Он в панике замахал руками, закусив губу:

— Нет, нет, что за красавец... это не я. Нет, я хотел сказать... и талант тоже не я. Э-э, то, что я писал, — это так, пустяки, баловство одно. Вы... пожалуйста, не принимайте это всерьез... — Хуа Юйтан путался в словах, не зная, что еще добавить.

Су Лэн с легким смешком прервал его:

— В этом мире я не встречал никого, кто мог бы писать с таким изяществом, кроме тебя. Звание первого таланта Поднебесной принадлежит только тебе.

Хуа Юйтан покраснел еще сильнее. Теребя пальцами, белыми, как фарфор, край своего одеяния, он робко пробормотал:

— Вы... вы слишком добры ко мне.

Су Лэн ободряюще улыбнулся ему и как бы невзначай добавил:

— Твои тексты столь глубоки и прекрасны, я искренне не понимаю, почему о тебе говорят как о... пустой кукле.

Он с хлопком раскрыл веер, прикрывая блеск, игравший в его персиковых глазах.

Услышав это, свет в больших глазах Хуа Юйтана померк. Он нахмурился и слегка прикусил нижнюю губу, терзая нежно-алые лепестки, пока они не стали похожи на раздавленный персиковый цвет, с которого, казалось, вот-вот капнет сок.

Су Лэн, словно замороженный, сделал шаг вперед и протянул руку, желая разгладить морщинку между его бровей.

Хуа Юйтан тихо произнес:

— Мачеха и отец любят меня, они... они не позволяют мне выходить из дома для сдачи государственных экзаменов. — В его глазах, обрамленных густыми ресницами, начали скапливаться хрустальные слезинки, готовые в любой момент сорваться вниз.

Су Лэн вздрогнул от слов юноши, его взгляд прояснился. В сердце кольнуло предупреждение — он был поражен тем, какой сокрушительной силой обладает эта неземная красота.

Выслушав объяснения, Су Лэн озорно подмигнул:

— Вот оно что. — Он резко сменил тему. — Но ведь мы теперь друзья, так расскажи мне что-нибудь сокровенное. Например, что ты думаешь о недавнем решении Его Величества реформировать систему военных поселений?

Система военных поселений была особой политикой: солдаты сражались во время войны и занимались сельским хозяйством в мирное время, что пополняло государственную казну и

снижало расходы на довольствие. Эту систему ввел император Яньцин, когда взошел на престол в юности, и всегда ею гордился. Однако сегодня она пришла в упадок.

Все из-за коррупции: высшие военачальники ради личной выгоды захватывали земли, выделенные простым солдатам. Прошло более десяти лет, и теперь о налогах не могло быть и речи — сами солдаты голодали.

Реформа должна была пересмотреть границы земель и увеличить доходы казны, чтобы улучшить жизнь воинов. Это было благое начинание, и когда император издал указ, весь двор ликовал, выкрикивая здравицы.

Выслушав вопрос, Хуа Юйтан быстро взглянул на него, его влажные глаза блеснули, и он заикаясь ответил:

— Я... если я скажу, вы не будете смеяться?

— Говори, я не осужу.

— Я... я считаю, что это неосуществимо. Совершенно неосуществимо.

Взгляд Су Лэна стал серьезным, он удивился:

— Почему же?

— Чтобы реформа удалась, нужно забрать земли у военачальников. Но у местных чиновников, получивших указ, нет под рукой войск, они не посмеют бросить вызов генералам, у которых в подчинении целые армии. При этом норму сбора зерна никто не отменял. В итоге чиновники, не имея выбора, обложат этим налогом простых солдат. Те окажутся в невыносимом положении, и если так пойдет дальше, на границе вспыхнет бунт! — Хуа Юйтан уже забыл о своей робости.

Гениально! Просто поразительно! Су Лэн едва удержался, чтобы не ударить по столу от восторга. В его глазах вспыхнул невероятный блеск, он подался вперед и спросил:

— А что ты думаешь о случае, когда три дня назад заключенные вернулись сами?

Три дня назад император Яньцин помиловал три сотни преступников, отпустив их домой при условии, что они вернутся к назначенному сроку для исполнения смертного приговора. И все они вернулись. Император был тронут их благородством и даровал им жизнь. Эта история вызвала невероятный резонанс, весь мир восхвалял просвещенность государства Яньцин.

Хуа Юйтан насмешливо фыркнул. В его глазах больше не было привычной покорности, лишь

твёрдость духа и презрение.

— Это лишь погоня за славой! — отрезал он. — Ожидать от ничтожных людей благородства, присущего лишь мужам, — разве это человечно? Кто знает, может, отпуская их, император уже рассчитывал, что они вернутся, дабы прославиться? А может, преступники, уходя, уже знали, что их помилуют, если они вернутся? Если император заранее знал, что они вернутся, — это обман подданных. Если преступники знали, что их помилуют, — это обман правителя. Я вижу, как обе стороны обманывают друг друга ради этой славы. Где здесь место истинной добродетели или доверию?

Если бы он действительно хотел просветить народ, то после возвращения казнил бы их. И лишь если бы после этого другие люди, отпущенные на волю, вернулись снова — тогда можно было бы говорить о силе добродетели. А так... если делать это постоянно, то никто из убийц не будет казнен. Разве может это стать законом для всей Поднебесной? Разве мудрый правитель станет устанавливать законы, противоречащие человеческой природе, ради пустой похвалы?

Глядя на то, как при обсуждении государственных дел с лица Хуа Юйтана исчезла всякая робость, а в глазах засиял свет чистого разума, Су Лэн замер. Это было то же прекрасное лицо, но в лунном свете оно казалось исполненным гордости и высокого достоинства. В душе Су Лэна что-то дрогнуло.

Он поднялся и рассмеялся:

— Хорошо! Я признаю, что не достоин сравниться с тобой! И подумать только, у Хуа Цзинжана такой талантливый, такой ослепительный младший брат!

Хуа Юйтан словно очнулся, его лицо залила краска. Он поспешно затряс головой, испуганно пробормотав:

— Вы... вы слишком добры. Пожалуйста, не принимайте мои глупости всерьёз. Мой старший брат в тысячи раз талантливее меня. Умоляю, не говорите так.

Су Лэн не ответил. Он поднял голову к небу — на востоке уже брезжил рассвет, луна опускалась за горизонт. Они проговорили всю ночь.

Су Лэн пристально посмотрел на сжавшегося в комок Хуа Юйтана и внезапно улыбнулся:

— Разговор с тобой принес мне огромную пользу. Но, если подумать, я ведь ещё не выполнил свою главную цель на эту ночь.

— Какую? — Хуа Юйтан смотрел на него с полным недоумением.

— Украсть аромат и похитить нефрит! — Су Лэн хитро прищурился, резко подался вперед и

накрыл губы Хуа Юйтана поцелуем. А пока тот застыл, не в силах пошевелиться, он грациозно развернулся, перемахнул через стену и исчез, словно птица.

Издалека донесся его чистый, звонкий голос:

— Красавец, надеюсь, мы еще увидимся!

<http://bllate.org/book/19864/1955434>